

Фото 1. Слово на букву «С»

Если бы мне пришлось описать себя одним предложением, я бы ограничилась словом «посредственная». Одноклассники и учителя никогда не воспринимали меня всерьез. Я не участвовала в соревнованиях, не была душой компании, не пыталась выделиться.

Короче говоря, сплошное «не».

Зато теперь из-за меня урок биологии прерывает школьный психолог, неулыбчивая Наташка. Открыто она, конечно, не признается, зачем пожаловала, но говорит так проникновенно и смотрит в мою сторону так жалостливо, что хочется провалиться сквозь землю.

Двадцать минут Наташка заунывно вещает о том, как тяжело быть подростком. Напоминает, что всего год назад окончила институт и пришла работать в нашу школу (где уже успела всех достать). Класс откровенно зевает, я корчу страдальческие мины. Наконец, она подытоживает:

— Моя лекция могла показаться вам скучной, но не забывайте: рядом с вами всегда есть тот, кто готов выслушать. Все мы когда-то были юны. Все мы страдали. Не замыкайтесь в себе. Не совершайте необдуманных поступков и помните: услышат только того, кто отважится открыться.

— А если мы не хотим ни с кем делиться своей личной жизнью? — с насмешкой уточняет Кэт.

На секунду Наташка подвисает.

— Тогда заведите личный дневник, — осеняет её. — Пишите о том, что наболело. О том, что гложет. Пишите о плохом, чтобы выпустить всю черноту наружу. И о хорошем, чтобы не забывать: черная полоса всегда сменяется белой. Перечитывайте записи. Излейте себя на бумагу.

Фраза какая-то глупая: излить себя. Будто бы растечься лужицей по тетрадному листу. Впрочем, Наташка во всем такая. Нелепая. Не старая, но какая-то древняя. Серая мышь в безразмерной кофте. Она прячет глаза за толстыми линзами очков, а ещё вставляет невпопад философские цитаты.

— Живи и ошибайся, в этом жизнь¹, — бубнит мечтательно. — Я сказала что-то смешное, Сорокина? Отчего же ты так радуешься?

Кэт, зажав ладошкой рот, качает головой. Наташка неодобрительно вздыхает, но не раздувает скандала из пустяка.

— Саша, ты слышишь? — обращается ко мне вкрадчивым голосом. — Не копи боль в себе. Расскажи о ней кому-нибудь.

— Слышу, — а сама закусываю губу.

Как же надоела эта навязчивая забота. Хочется зажать уши руками и раскачиваться из стороны в сторону, пока всё не станет как прежде.

Раствориться.

Уйти.

Сбежать.

Извещая о конце урока, по классу разносится торжественная музыка — в нашей школе привычные «звонки» заменили неофициальным гимном города. Неофициальным, потому что придумали его школьники. К слову, гимн получился под стать городу — скучный и незапоминающийся. Таких городов (и гимнов) — сотни. Бывает, спрашивает меня новый интернет-знакомый:

— Ты сама откуда?

— Из такого-то города.

---

¹ Ричард Олдингтон

— Это где-то на севере, да? (*недалеко от Анапы, в Беларуси, чуть выше Казахстана, а-что-такой-город-вообще-существует?*) — без задней мысли уточняет он, а я всякий раз злюсь.

В общем-то, не в гимне дело. А в Наташке, которая сходит с ума и тянет нас за собой в мир бредовых фантазий. Не обращая на неё внимания, мы вскакиваем с мест. Кидаем тетрадки и ручки в рюкзаки, толпимся у двери, только бы поскорее выскользнуть из класса. Кэт язвит:

— Нам что, по десять лет? Какой нормальный человек будет вести дневник?

Семенящая рядом Ирка Сониная безостановочно кивает, становясь похожей на китайский болванчик. Ирка во всём соглашается с Кэт. Даже если та заявит: «Земля квадратная», Ирка наверняка ответит: «Я всегда это знала!»

— А что туда писать? Жизнь — боль, меня никто не понимает? — тянет Кэт с раздражением.

Ирка поддакивает и смеется, запрокинув голову. Я молчу. Слова Наташки застревают в ушах, и внезапно мне хочется завести дневник. Разумеется, не бумажный (прошлый век, фу), а виртуальный. Такой, чтобы показать его всему миру, но при этом спрятать среди тысяч — или миллионов — профилей. Пусть он будет всеобщим и только моим. Почему бы не попробовать? Если не понравится — удалю.

Тем же вечером я лежу в кровати с ноутбуком и просматриваю сайты. «Живой журнал» и прочие текстовые блоги давно никому не интересны (даже самим владельцам). Подумывала зарегистрироваться в «Твиттере», но там запрещены сообщения длиннее 280 символов. Вот зачем загонять людей в рамки? Краткость, может, и сестра таланта, но роман не станет лучше, если ужать его до пересказа. Да ну. От «Твиттера» я без сожаления отказываюсь.

А может, создать видео-дневник? Ага, буду делиться впечатлениями о прожитом дне (скучном и однообразном, как и всегда), а редкий зритель заснет лицом в клавиатуре. Плохая затея.

И тут я вспоминаю про красочный «Инстаграм». Яркий, сочный, насыщенный. В нем можно выложить фотографию кружки кофе, написать короткую цитату ни о чем конкретном — и людям это понравится. А можно делиться сокровенным, находить единомышленников, листать красочные профили. Решено, у меня будет фото-блог.

Изображение № 1: Унылое селфи с Машкой Второй.

Подпись: Всем привет! Сегодня школьный психолог посоветовала мне и моему классу вести дневники, чтобы не замыкаться в себе. Странно, но идея мне понравилась. Если коротко: за день не произошло ничего особенного. А у вас?

С фотографией, конечно, намучилась Машка Вторая — норовистая кошка. Мама в шутку называет её «пантерой». Не за цвет шерсти — она рыжая в белых пятнах, — а за злющий характер. Машка чуть не расцарапала мне лицо и обругала всеми кошачьими ругательствами. Но! Я справилась и теперь обновляю страницу в ожидании первых лайков или комментариев.

Пустота.

Даже как-то грустно. словно в громадном интернет-океане плавает мелкая рыбешка по имени Саша, которую *вообще* никто не замечает.

После долгих сомнений — как же стыдно показаться непопулярной клушей! — всё-таки прошу у Кэт совета. Не понимаю, как ей удалось собрать в своем профиле почти двести подписчиков? Причем ничем особенным Кэт не делится, только выкладывает скриншоты переписок с подругами или фото себя любимой на фоне магазинов-кафе-парков.

— Ты что, с другой планеты, Алекс? — хмыкает Кэт. — В инсте всем начхать на твои описания или фотки. Главное — лепи побольше хэштегов. Я с подписью вообще не заморачиваюсь, — поясняет с ленцой. — Пишу штук десять тегов, и всё.

— Ну а какой тег ставить мне? — спрашиваю, безостановочно тыкая на кнопку «обновить».

«Нравится: 1». Моя фотография интересна всего одному человеку. *Мне.*

— Да какой угодно, — отмахивается Кэт как от назойливой мухи. — Кот, инстаграм, дружба, селфи, жизнь прекрасна. В одно слово, — добавляет после короткой паузы.

— Всё в одно слово? — туплю я.

— Нет же! «Жизнь прекрасна» пиши в одно слово. Всё, мне некогда, Дима звонит, — произносит она скороговоркой и нажимает на сброс.

Я редактирую запись, добавляю теги, и — о, чудо! — появляются первые отклики. Кто-то даже становится моим подписчиком, но в основном — те, кто похудел на десять килограмм за неделю, а теперь советует похудеть мне.

Кэт, кстати, в друзья не добавилась, хотя мой ник выпытала. Якобы у нее слишком много подписок, и она всё равно не успевает их отслеживать. Обидно, но я терплю. Кроме Кэт, у меня нет приятелей. Была ещё Марина, но... больше нет. Так получилось.

На глазах выступают непрошеные слезы. Я бесцельно брожу из угла в угол, чтобы не разреветься, затем останавливаюсь возле окна, упираю ладони в подоконник и рассматриваю сонное вечернее шоссе. Куда-то спешат автомобили, загорается и гаснет неисправный светофор.

Мама заглядывает в комнату без стука.

— Как дела? — спрашивает осторожно.

В последнее время всех особенно волнует, как у меня дела. Глупый вопрос. Будто они могут быть как-то иначе, кроме «никак». С тех пор, как в моей жизни не стало Марины (вообще ни в чьей жизни не стало Марины), эта самая жизнь превратилась в существование. В первые дни я отказывалась верить, сопротивлялась, бежала от самой себя. Но прошло уже три недели — и я потихоньку свыклась с тем, что моя подруга ушла.

— Нормально, — отвечаю, задерживая занавески.

Комната погружается в тягучий полумрак.

— Пойдем кушать? — не требует, но мягко приглашает мама.

Она у меня нормальная, только слишком отстраненная. Её не трогают никакие трагедии. Ей меня не понять. Никому не понять, потому что ни у мамы, ни у Кэт, ни у тех людей, которые просматривают моё селфи, не произошло ничего *такого*.

Под мамины комментарии я ем безвкусную, будто резиновую гречневую кашу («гречка выводит шлаки и токсины»), запиваю чаем с мелиссой («чудесно успокаивает») и ухожу к себе. До глубокой ночи лазаю по интернету. Моя страница в социальной сети полупуста: минимум контента, разве что количество аудиозаписей близится к тысяче. Бездумно листаю немногочисленные фотографии, натываюсь на одну и долго рассматриваю её.

Наш последний снимок с Мариной. Душу выворачивает наизнанку, прокручивает щипцами как стоматолог — гнилой зуб.

Не сдерживаюсь и выкладываю фотографию в блог.

Изображение № 2: Мы с Мариной сидим на скамейке. За нашими спинами стелется закат. Она, светло-русская, глазастая, улыбается, а я показываю язык.

Подпись: Марина всегда была для меня особенным человеком. Мы дружили с детского сада и никогда не ссорились. Я знаю о ней всё. Знаю, что в первый раз она поцеловалась в 13 лет на вписке со старшеклассником. Знаю, что она царапала вены (не всерьез, булавкой). Знаю, что любила Р. К. Знаю, что её не стало в марте этого года.

Я не добавляю хэштегов. Не хочу. Наше фото слишком личное, чтобы выделять его однотипными тегами. Закрыв блог, перехожу на страничку Марины в социальной сети. Она такая классная на аватарке. Кружится, раскинув руки в стороны. В волосы вплетена изумрудная лента, а на лице — неподдельное счастье. Я уже лайкала это фото (даже

писала комментарий), но сейчас снимаю «сердечко» и ставлю заново. Может быть, она там всё увидит и поймет, что я не забываю о ней ни на минуту. Интересно, как ей... там?

Что вообще случается с теми, кто покидает нас? Они счастливы?

Я не впервые сталкиваюсь со словом на букву «с». Когда мне было семь лет, умерла Машка Первая (тогда её звали просто Машкой). Она прожила долгую кошачью жизнь, а потом резко истощала и перестала вставать с лежанки. Однажды родители отвезли её в ветеринарную клинику, а обратно не привезли. Машка Первая уснула навсегда. Папа объяснил, что врачам пришлось усыпить нашу кошку, потому что ту пожирал заживо рак. Не речное животное, а заболевание. Онкология. Я подумала, что рак — это такая звериная болезнь. А потом — мне только-только исполнилось десять лет — рак сожрал папину маму, мою самую любимую бабушку. Меня не взяли на похороны. Морозным февральским вечером поставили перед фактом: бабушки больше нет, смирись.

«Свекровь сгорела в одночасье», — ровным тоном объяснялась мама, когда ей звонили родственники или друзья. Наверное, папа тоже сгорел, потому что тем летом он ушел к другой женщине. Мы до сих пор видимся с ним, но редко. У него новая семья, где ничего не напоминает о бабушке и онкологии. Он назвал сына Матюшей, а меня зовет исключительно полным именем. Александрой. Будто я настолько взрослая, что недостойна быть Сашенькой или Сашей.

И вот, три недели назад ушла Марина.

Внутри пусто. После того, как её не стало, во мне поселилось отчаяние, но теперь и его нет. Лишь пустота, холодная, колючая, безысходная, скручивается внизу моего живота. Не могу уснуть. Ворочаюсь, сбивая одеяло и простыню в ком. Машка Вторая посапывает на подушке, но ближе к полуночи спрыгивает с кровати. Долго бродит по подоконнику, роняет с полок мягкие игрушки. Она — цунами, сносящее всё на своем пути. В час ночи в спальню прокрадывается мама — зажмуриваюсь и громко соплю, изображая крепкий сон — чтобы унести кошку. Становится так одиноко, так тоскливо. В тишине чудятся голоса, и ребра сдавливают от страха. Засыпаю, только бы одиночество хоть ненадолго исчезло из моей жизни.

Фото 2. Закрытая группа в социальной сети

С трудом размыкаю глаза — в них будто насыпали песка. Мама уже приготовила завтрак: на тарелке высятся постные оладушки («от дрожжей толстеешь»), в фарфоровой мисочке краснеет горка перетертой клубники без сахара. Аппетита нет, живот сводит при одном виде еды. Я размазываю клубнику по дну кровавой кашицей и сбегая в школу.

У раздевалки топчется Кэт, поправляя перед зеркалом прическу. Её смоляные волосы заплетены в косу, глаза подведены серым карандашом. Кэт одета в настолько рваные джинсы, что они скорее похожи на шорты с лоскутами ткани, висящими по краям. Другую бы в нашей школе давно отругали за внешний вид, но Кэт всё сходит с рук.

— Алекс, куда торопишься? Эй, стой! — Она ловит меня за рюкзак и, цокая каблуками, ведет к кабинету истории. — Я за тобой не успеваю. Прикинь, что вчера случилось...

Нехотя замедляю шаг. Кэт рассказывает, что её парень, Дима, на вечерней тренировке сломал ногу, потому она не спала, не ела и вообще всячески переживала всю ночь, а утром извела полтюбика тонального крема на синяки под глазами.

— Ты сама как? — Кэт переводит на меня взгляд, когда мы подходим к классу истории.

— Нормально, — привычно откликаюсь, дернув за дверную ручку.

Кэт пожимает плечами.

Я её *задание*. В прямом смысле слова. На следующий день после того, как не стало Марины, классная руководительница пригласила Кэт к себе после урока и сказала что-то типа:

— Катерина, ты самая популярная девочка в классе. К твоему мнению все прислушиваются, потому возьми Александру под своё крыло. Ей сейчас тяжело: она никому не нужна, у неё нет подруг, а от её кислого выражения лица вянут фиалки.

Ну и Кэт ответила что-нибудь в своем духе, цокнув языком:

— Мне, что, изображать её подружку?

На что классная руководительница повела густыми бровями.

— Хочешь итоговую пятерку по алгебре?

Кэт, которая в алгебре ни бум-бум, закивала.

— Окей, раз уж вы просите.

Разумеется, я не присутствовала при их разговоре. Но нетрудно догадаться, о чем они общались. Неспроста же Кэт сидит со мной и на уроках, и в столовой; терпеливо отвечает на любые вопросы, изображая подругу. Раньше здоровалась через раз, а теперь мы неразлучны. Ей хорошо дается новая роль — Кэт с первого класса играет во всех театральных постановках и даже ездила с драмкружком на фестиваль театрального искусства.

Я ей почти верю.

Но Кэт не хватает душевности. Мы разные, хоть она и старается вовлечь меня в свой — популярный — мир, где нет никаких забот, кроме шмоток и парней. Неделю назад она пинками привела меня в кафе с вкуснейшим bubble tea на свете. Я даже и не подозревала, что если в обычный чай добавить кусочки желе, получится так классно! Зато теперь хожу в Crazy Bubble (так называется кафе) почти каждый день. Там, действительно, крейзи! На белых обоях брызги красок, а стена у барной стойки утыкана распечатанными снимками из их «Инстаграма». Вместо столов и стульев — мягкие пуфики. Музыка бьет битом. Чай подают в пластиковых стаканчиках, на каждом из которых нарисован смайлик. Нет ни унылых официанток в передниках, ни подносов, ни керамических чайников — ничего из того, что превращает кофейню в банальность.

Ценники там, конечно, — закачаешься. Кэт не видит в них ничего запредельного, а я всякий раз выскребаю последнюю мелочь и никогда не беру двойную порцию.

А на выходных она затащила меня к своим друзьям на дачу, откуда я сбежала тем же вечером. Уехала на последней электричке после того, как хозяин дачи напился какой-то дряни и рыдал на кухне, а его друг лапал меня за коленку и лез целоваться. Когда я в спешке закидывала одежду в рюкзак, Кэт только пожала плечами — мол, сама не понимаешь, от чего отказываешься.

У нас нет ни единого общего интереса, так откуда же взяться дружбе?

— Ребят, а вы в курсе, что Алекс завела инста-блог?! — во весь голос заявляет Кэт.

— Ничего я не завела! — пытаюсь перебить, чтобы одноклассники не вздумали залезать ко мне и рассматривать *то* фото.

Они же будут смеяться или изображать сострадание.

Поздно. Кэт сбрасывает мой профиль (ну зачем я ей отправляла ссылку?) в наш групповой чат. Телефон безостановочно вибрирует. Лайки растут. Класс добавляется ко мне в подписчики. Девочки говорят, что фото с кошкой шикарное, а мы с Мариной очень симпатичные. Даже парни помалкивают, хотя месяц назад назвали бы и меня, и Марину, и Машку Вторую швабрами. Никогда раньше одноклассники не проявляли к нам ничего, кроме равнодушия.

Зачем лгать? К чему пытаться быть участливыми? Для них мы с Мариной были *никем*. От нелепой жалости тошнота подкатывает к горлу.

Лицемерие — повсюду. В школьной газете тоже написали: «Горюем вместе с семьей Марины», а на следующей странице выложили статью о «комедиях, способных довести до икоты».

Представляю, как смешно Марине наблюдать за всем этим *оттуда*.

— Спасибо, — бурчу я, уткнувшись в учебник. — Обязательно ко всем добавлюсь.

На мое счастье, в кабинет заходит историчка. Она нудит, что Перестройка сменила период «застоя», а в наших головах не откладывается ничего, кроме непонятных названий. Кэт под столом переписывается с Димой и изредка выдает ироничные замечания:

— Зойка — единственный живой экспонат первобытнообщинного строя, — это она про историчку. — У нее и телефон с тех времен сохранился, — показывает на кнопочный мобильник Зои Павловны, лежащий на краю учительского стола.

Я не улыбаюсь, а вот Ирка подобострастно хихикает с задней парты. Зоя Павловна учительница, незлая и справедливая, но старенькая, а потому совсем глухая; она расписывает на доске какие-то даты, а Кэт распаляется, не сдерживаясь.

— Как вы думаете, Зойка застала динозавров? Не, она была причиной, почему те вымерли. — Её плечи трясутся от беззвучного хохота. — Алекс, ну и чего сидишь такая тухлая, будто это ты померла, а не Татарчук? — заявляет она, но тут же понимает, *что именно* лягнула. — Ой, — глаза округляются, — прости. Я случайно.

Случайно?! Во мне закипает ярость, а пальцы непроизвольно сжимаются в кулаки. Поднимаюсь так резко, что стул валится на пол. Бах! Все, как назло, замолкают. Зато Зоя Павловна реагирует на громкий звук и оборачивается к нам, слепо сощурившись.

— Александра! Что за вольности?! Ну-ка сядь на место! — Стучит указкой по доске, но я не реагирую.

Как ей ответить? «Уж простите, что Кэт ржет над смертью моей лучшей подруги?»

Хватаю рюкзак и сбегаю подальше от всех. Перед глазами всё расплывается пятнами, и мне кажется, что я запнусь о собственную ногу и непременно навернусь с лестницы. Не удержу равновесия. Разобьюсь вдребезги, как хрустальная ваза. И пусть. Так будет лучше для всех.

Почти забегаю в гардероб, но у поворота меня ловит Наташка.

— Давай-ка заглянем на минутку ко мне. Держи. — Протягивает носовой платок, но я уже стерла слезы рукавом пуловера. — Мы плачем, приходя на свет, а все дальнейшее подтверждает, что плакали мы не напрасно², — вздыхает она горестно.

Обычно Наташка держит дверь в свой кабинет нараспашку — «эта дверь открыта так же, как и я сама», — но теперь запирает её изнутри и садится напротив меня. Нас разделяет пустой письменный стол. Никогда не понимала, зачем в школе психолог? Неужели хоть кто-то в здравом уме пойдет делиться проблемами с взрослой теткой? Пожалуются на парня-неудачника или на безразличие родителей? На то, как напился дешевого пойла и не помнит, что творил после вечеринки?

Не верю.

Именно поэтому Наташка так воодушевилась, когда новость о Марине пробежалась шепотками по школьным коридорам. У неё появилась настоящая работа. С того дня она проводит с нами дополнительные занятия, требует честности, зазывает в свой кабинет на «непринужденную беседу» и просит заполнять тупые анкеты.

Думали ли вы о самоубийстве?

А. Думаю постоянно

Б. Часто

В. Редко

Г. Никогда

Д. Думаю прямо сейчас, потому что от idiotских вопросов хочется утонуться.

Правильный ответ: «Г».

Да-да, в анкете есть правильные или неправильные ответы! И вообще, как отвечать честно, когда анонимностью даже не пахнет — каждый бланк именной?

Наташка не подозревает, насколько всем наплевать и на Марину, и на то, что она ушла дождливым пятничным вечером, перед самыми выходными. Написала свой последний статус в социальной сети, под которым сейчас плодятся однообразные соболезнования, и... всё.

А я здесь — дышу, двигаюсь, разговариваю, но не живу, — и вынуждена отвечать на навоящие вопросы. Как эта девица может называться психологом, если даже одевается по-дурачки: в темные блузки и бесформенные юбки длиной ниже колена? Если носит очки, моет голову раз в четыре дня и бубнит себе под нос что-то несурзное?

— Саш, что с тобой?

— Я немного сорвалась. — Сцепляю пальцы в замок и рассматриваю клубок пыли, не выметенный уборщицей.

— Неудивительно, ведь ты копишь всё в себе. Глубоко вдохни и резко выдохни. Расскажи, что скопилось на сердце. — О нет, она опять заводит знакомую песню! — До сегодняшнего дня нам не удавалось поговорить по душам. Знаешь, смерть Марины коснулась каждого в этой школе.

«Не смерть — уход. Она просто ушла», — твержу себе.

— Марина была светлой и невероятно талантливой девочкой. — Наташка качает головой.

Меня распирает от негодования. Нет, нет и нет! Что за бред?! Марина ничем не выделялась: не умела готовить, вышивать, вязать, рисовать или петь. Да ей на ухо наступил не медведь, а целое стадо слонов. Марина не увлекалась никаким творчеством. Она была самой обычной.

Чувствую, как закипаю, а Наташка продолжает, поправив дужку очков:

— В этом кабинете мы частенько обсуждали её фотоснимки за чашечкой чая.

В смысле?..

Я поднимаю полный непонимания взгляд.

— Она ходила к вам?

² Франсуаза Саган

— Да, — соглашается Наташка, радостная, что я поддаюсь на её манипуляцию. — Не ежедневно, но несколько раз в месяц. Мне очень нравилось общаться с Мариной.

— Вы лжете, — выдавливаю из себя и ощущаю, как щеки наливаются краской. — Марина бы сказала, что ходит к психологу. Она ни разу не заикалась про вас!

Но психолог улыбается каким-то своим мыслям .

— Мне незачем обманывать тебя. Марина была честна со мной, и она бы не хотела, чтобы её лучшая подруга сейчас страдала, убегала с уроков и плакала где-то совсем одна.

«Не лучшая, а единственная», — хочу поправить, но прикусываю язык.

Не может быть. Бред. Несуразица. Моя Марина — простая и понятная — не стала бы проводить время с этой унылой девицей, от которой пахнет не духами, а хозяйственным мылом.

Впрочем, в последний год Марина оставалась после уроков на какие-то дополнительные занятия. Мне говорила, что по химии, а я не понимала, на кой ей химия, которую она знает в совершенстве? Неужели Марина скрывала от меня дружбу со школьным психологом?

— Скажи, ты ведешь дневник? — спрашивает Наташка проникновенно.

— Да, — отвечаю без особого энтузиазма. — Я завела инста-блог. Выкладываю туда свои снимки.

Надеюсь, что её смутит незнакомое слово, но Наташка выставляет большой палец в знак одобрения.

— Какая неординарная идея. Какого рода фотографии ты делаешь? Тебе нравится то, чем ты занимаешься?

Наташка — первая, кто всерьез интересуется моим блогом. Не из жалости. Не чтобы проявить участие, а с неподдельным любопытством. В её взгляде загораются искорки, и внезапно меня прорывает:

— Пока не уверена. Я только начала выкладывать фото, но уже есть несколько подписчиков. Правда, я буду скрывать записи от одноклассников, потому что не хочу делиться с ними личным. Мне не нужны лайки из жалости.

— Согласна. Такие дневники лучше вести под вымышленным именем, чтобы никто из знакомых не лез в твое личное пространство. Да и чужих людей, по правде, незачем туда пускать.

— Возможно, — обрываю её.

— Не настаиваю на своей правоте. — Наташка поднимает руки ладонями ко мне. — Кстати, я тоже веду блог.

Она добавляет очередную цитату, открывая на телефоне инста-профиль. Экран наполняется красками: цветы, вязание, озера и лесные просторы. У Наташки аж пятьсот подписчиков (больше, чем у Кэт!).

— Между прочим, создала по совету Марины. Мы сошлись с ней на любви к фотографии. Если захочешь — добавляйся.

— У Марины была страница? — не верю своим ушам.

Кивает, но отказывается дать ссылку. Якобы запомнила. Мы недолго обсуждаем учебу и планы на лето. Всё кажется безобидным, пока Наташка не произносит:

— Саш, скажи, ты что-нибудь слышала о «группах смерти»?

— О чем? — я недоуменно хмурюсь.

— Ну, о группах в социальных сетях, куда заманивают подростков и принуждают их к суициду. — Она отводит взгляд в сторону. — Тебе не кажется, что Марина могла стать жертвой чьей-то расчетливой игры на смерть?

Какая же бессмыслица! Мои брови ползут ко лбу, а губы кривятся в ироничной ухмылке. Сразу видно, что Наташка пускай и молодится, но внутри — старуха старухой, иначе бы даже не допустила мысль, что где-то в соцсетях есть группы, которые кого-то там убивают.

Только у закаменевших взрослых во всем и всегда виноват интернет. Зрение испортилось — разумеется, из-за компьютера; проблемы в учебе — слишком много зависаешь в сети. Им невдомек, что в мировой паутине сконцентрирована целая жизнь, гигантская, вылезаящая за рамки государств, возрастов и статусов. Здесь все равны, а запреты практически отсутствуют. Интернет не поддается контролю, не укладывается в рамки и стереотипы — а потому некоторые считают, что в нем скоплено всё зло на планете.

— Нет, — отвечаю максимально резко и поднимаюсь, собираясь уйти.

Наташка задерживает меня легким прикосновением к руке.

— Я бы не спрашивала тебя об этом, но недавно вспомнила один разговор с Мариной. — Она жуёт губу, сомневаясь, надо ли продолжать. — В тот день она была такая окрыленная, всё рассказывала, как нашла единомышленников, как они делятся друг с другом наболевшим. Я очень обрадовалась и посоветовала почаще общаться с теми людьми. — Наташкин голос срывается, словно наша психолог по-настоящему переживает о случившемся. — А спустя несколько дней Марина... покончила с собой. Я даже не думала связывать произошедшее и тот её рассказ, пока не прочитала статью в газете о «группах смерти». Якобы там есть какие-то ужасные квесты, ради победы в которых участники платят своей жизнью.

Её глаза блестят под толстыми линзами очков.

— Ладно, — Наташка дергает плечом. — Вероятно, я себя накручиваю.

Когда гимн бьет по ушам первыми нотами, она отпускает меня на все четыре стороны, даже не отругав за прогул урока.

— Заходи, если будет свободная минутка, — предлагает вместо прощания.

Высочив из душного кабинета, я вливаюсь в пестрый поток старшекласников, который тащит меня напрямик в столовую. Голова гудит. Незадолго до того, как *уйти*, Марина с кем-то познакомилась? Почему она хвасталась новыми друзьями перед Наташкой, а мне, своей лучшей подруге, не сказала ни слова? Ревность — неоправданная, мелочная, глупая — терзает меня, рвет в клочья.

Пока гомонящая очередь продвигается к кассе, я пытаюсь осмыслить разговор с Наташкой. Что-то не складывается. Как минимум, сами по себе «группы смерти» — даже звучит тупо. Разве способен какой-то паблик довести до самого края и столкнуть вниз? Разумеется, нет.

Скорее всего, эти группы придумали какие-нибудь всезнайки-психологи, считающие, что если человек увлекался виртуальным миром — значит, тот его и прикончил. Надо же как-то оправдать собственное бессилие перед необъяснимым.

Окончательно уверившись, что Наташка просто «разводила» меня, и вся её история про невероятно-таинственных-друзей — несуразная выдумка, я успокаиваюсь. Горячий чай и булочка с маком («в ней столько калорий, что проще съесть кусок сливочного масла») возвращают меня к реальности.

Остаток учебного дня Кэт извиняется, причем так вычурно и красочно, что ни капли не верю в её раскаяние. Это набор красивых реплик, очередная роль, и ничего более. За её словами нет искренности, и глядит она куда угодно, только не на меня.

«Не верь тем, кто много говорит и совсем не смотрит в твою сторону, — наставляла меня бабушка. — Легче врать, когда отводишь взгляд».

Бабушка научила меня многому. Её хрипловатый, будто простуженный голос прочно отпечатался в памяти. Бабушка знала Хрущева (не лично, конечно, но видела его по телевизору), а потому я всегда считала её невероятно старой. Она любила рассказывать о Москве и Ленинграде — да-да, она называла Питер Ленинградом! — тех времен, о советских запретах и правилах, о тогдашней моде.

— Наши девчухи носили точно такие же плиссированные юбочки, как у тебя, — уверяла она, а я сидела с открытым ртом и не верила, что в том мире было что-то современное. — Только у вас выбор больше, мы-то довольствовались малым.

Бабушка не застала Великую Отечественную войну, но делилась воспоминаниями тех, кто воевал и был в блокаде, кого забрали в эвакуацию. И я представляла войну как черно-белый фильм, где кадры молниеносно проносились, землю усыпали снаряды, а люди — худые до изнеможения — не сдавались и не отступали до самого конца. Потому что у них была цель — спасти Родину от фашизма.

Бабушка очень любила меня, а я — её.

Она приучила меня не говорить, а слушать. Не тратить слова попусту, смотреть вперед и никогда не унывать.

Потому, когда она умерла, я ходила с приклеенной к губам улыбкой и заверяла родителей твердым голосом:

— Всё отлично.

Иногда я думаю: может, потому папа и взбесился? Неспроста же он ушел от нас спустя три месяца после смерти бабушки? Не вытерпел моих гримас, оскорбился и развелся с мамой, чтобы только не видеть меня? Что, если он потому и называет меня полным именем, что терпеть не может?..

Вдруг во всем виновата именно я?

Бесполезная Саша, от которой один только вред.

Разумеется, папе я о своих тревогах не рассказываю — он до последнего будет отрицать очевидное.

Иногда мне кажется, что взрослые считают подростков недалекими. Нас опекают как маленьких, но при этом требуют самостоятельности. От нас скрывают правду, но хотят, чтобы мы были честны. Наши проблемы считают незначительными, с нашими желаниями не считаются. Мамы-папы-учителя убеждены, что наши жизни можно — и нужно — контролировать.

Потому мы молчим. Копим в себе страхи и переживания, чтобы в один день переполниться ими до краев. Разбиваем в кровь костяшки пальцев. Беззвучно кричим в подушку ночами. Мы становимся дикими от черноты, разрывающей изнутри, а родители недоумевают: что стряслось с их замечательными детьми?

Ничего не стряслось, просто мы давно повзрослели.

Изображение № 1: Прозрачный стакан с ярко-розовым чаем, на боку которого отпечатан плачущий смайлик.

Подпись: Это мой новый профиль, где не будет реальных имен. Зовите меня Одинокой лисицей, ладно? По-моему, очень симпатичный ник. Что нужно знать обо мне? Ну... Мне нравится Крейзи бабл за то, что здесь никто не обращает на тебя внимания. На соседнем пуфике целуется какая-то парочка, а я пью малиновый чай и листаю ленту. Иногда мне хочется, чтобы, кроме интернета, ничего не существовало. Пусть бы все друзья были нереальными. В смысле, реальными, но далекими. Сетевыми. Мы бы с ними переписывались вечерами, но никогда не виделись. Мне кажется, я не привязалась бы к ним так прочно, как когда-то к своей М.

Не люблю теги, но поставлю парочку из тех, которые считаю уместными, а не популярными.

Всем пока!

#крейзиббл #мирбезинтернета #bubbletea

***

Поразительно, как одно зернышко-слово может разрастись в гигантское древо сомнений.